

*С. Ю. Шевченко**

НЕЙРОЭТИКА МЕЖДУ ОСНОВНЫМИ ФИЛОСОФСКИМИ ПРОБЛЕМАМИ И ТЕХНОЛОГИЯМИ «УЛУЧШЕНИЯ» ЧЕЛОВЕКА**

В статье критически рассматриваются стратегии формирования дисциплинарных черт нейроэтики и методологический и концептуальный аппарат, используемый в этом контексте. Показано, что нейроэтика не обладает четко определенным набором исследовательских методов и подходов и выстраивает свое самопонимание через обозначение проблемного поля, которое она стремится расширить и затем закрепить за собой. Этот процесс дисциплинарного развития протекает двояко: нейроэтика и предъявляет претензии на повестку моральной философии, и пытается легитимировать новые нейротехнологии, используя теории и фигуры классической философии. В заключительной части статьи рассматривается возможность использования достижений нейроэтики в кругу основополагающих проблем гуманитарных наук. Нейроэтика может служить источником критической рефлексии об основополагающих проблемах философии и теологии. При этом такое использование нейроэтики не предполагает обязательного обращения к натурализму, что показано на примере подхода протестантского богослова Нила Мессера к использованию достижений нейронаук в рамках теологической рефлексии.

Ключевые слова: методология, нейроэтика, концептуальный аппарат, моральная философия, теология, проблемное поле, технологии улучшения человека.

S. Yu. Shevchenko

NEUROETHICS BETWEEN BASIC PHILOSOPHICAL PROBLEMS AND HUMAN ENHANCEMENT TECHNOLOGIES

The article critically examines the strategies for forming disciplinary features of neuroethics and the methodological and conceptual apparatus used in this context. It is

* Шевченко Сергей Юрьевич, младший научный сотрудник, Институт философии РАН; simurg87@list.ru

** Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, в рамках научного проекта № 18-011-00917А.

shown that neuroethics does not have a clearly defined raw of research methods and builds its self-understanding through the designation of the problem field, which neuroethicists try to expand. This process of disciplinary development proceeds in two ways: neuroethics makes claims on the agenda of moral philosophy, and, on the other hand, attempts to legitimize new neurotechnologies through appeal to theories and figures of classical philosophy. In the final part of the article we examine the possibility of using the achievements of neuroethics for consideration of the fundamental problems of the humanities. Neuroethics can serve as a source of critical reflection on the fundamental problems of philosophy and theology. At the same time, such use of neuroethics does not imply an obligatory appeal to naturalism, as shown by the example of the Protestant theologian Neil Messer's approach to the use of the achievements of neuroscience within theological reflection.

Keywords: methodology, neuroethics, conceptual apparatus, moral philosophy, theology, research agenda, human enhancement technologies.

Концептуальный аппарат нейроэтики

Сегодня нейроэтика как только формирующиеся дисциплинарное поле привлекает и представителей классических нейронаук (биологов и медиков), и специалистов по философии морали, и экономистов, социологов, правоведов. Стабильность новой научной дисциплины, вероятно, не в последнюю очередь обеспечена теми исследовательскими вопросами, которые не принято ставить в ее рамках. Речь прежде всего о «трудной проблеме сознания», как ее понимает философ Дэвид Чалмерс, — степени зависимости феноменального опыта от материальной конфигурации мозга.

Некоторые методологические основания для постановки более легких проблем сознания будут исследованы в настоящей статье. Основной же задачей нашего изучения будет не критика самих по себе понятий и методов, но рассмотрение их влияния на процессы формирования дисциплинарного поля нейроэтики и способы выстраивания отношений нейроэтики с другими научными дисциплинами и наукоемкими практиками. Источником фактического материала для такого изучения послужит десятый том журнала “Neuroethics” (его годичная подборка: номера 1–3 за 2017 г.). Разумеется, наше исследование не претендует на полноту дискурс-анализа основных понятий нейроэтики. Основная его задача не в исчерпывающей реконструкции ее концептуального аппарата — что выглядит почти невыполнимой задачей из-за постоянной дивергенции конкретных проблем нейроэтики, — предметом анализа выступают скорее способы работы с уже существующими философскими понятиями и механизмы производства собственных концептов. Такой угол зрения, возможно, способен помочь не только в поиске объяснения растущей популярности нейроэтики, но и в выявлении тех новых методологических инструментов и дискуссий, которые привносятся в классические социогуманитарные дисциплины.

Первый из рассматриваемых номеров является тематическим, все 31 входящие в него публикации (исследовательские статьи и ответы на них) посвящены проблемам зависимостей. А именно: поиску неврологических моделей развития зависимостей и медицинскому статусу аддикций. При этом большая часть авторов отрицала то, что аддикции могут быть признаны заболеваниями, однако примерно через год после публикации их статей в международной

классификации болезней 11-го пересмотра (МКБ-11) появился новый диагноз «игромания», определяемый как отсутствие контроля над продолжительностью и частотой сессий компьютерных игр. Авторы журнала “Neuroethics” указывали на отсутствие четкой локализации патологических процессов психологической в мозге, точнее, их связанности с неврологическими особенностями процессов обучения, которые сами по себе нельзя признать патологией [8]. При этом не всегда проводилось различие между зависимостью от употребления психотропных веществ (алкоголя) и отсутствием контроля над определенным типом поведения (игромания). Авторы другой исследовательской статьи указывали на то, что распространенные в определенном сообществе модели, объясняющие поведение индивида и его мотивацию, влияют на медицинский статус зависимостей [2]. Кроме того, в качестве аргументов против признания аддикций заболеванием в первой статье номера приводились следующие аргументы: отсутствие четкой границы между зависимостью и сильным желанием; любовь тоже может быть признана аддикцией; аддикции не всегда имеют хронический характер; наличие негативных последствий для личности и ее окружение не является критерием для медиализации состояния [5]. В одной из следующих за ней публикаций эти аргументы подвергаются критике, аддикции признаются патологиями исходя из критериев ущерба, наносимого ими личности человека, страдающего зависимостью [10]. Кроме того, проводится различие между ментальными и мозговыми (неврологическими) нарушениями — первые могут наблюдаться у человека, в мозге которого нет признаков вторых [11].

Конструирование проблемного поля

Рассматривая концептуальный аппарат описанных выше нейроэтических обсуждений зависимостей, можно выделить четыре категории базовых понятий, вокруг которых и строится дискуссия:

1. Общеметодологические понятия (например, редукционизм, «данные vs интерпретация»);

2. Специальные методологические понятия — именно они служат основой формализации специфического взгляда нейроэтики на обсуждаемую проблему аддикций (нейроразнообразие (neurodiversity), индивидуальная нейрохимия, расстройство выбора (disorder of choice), нейроцентризм, моральная модель аддикций);

3. Понятие медицинской антропологии и биоэтики — с их использованием осуществляется легитимация выводов, применимых к конкретным социальным практикам (стигматизация, культурная вариативность нормы, «народные» неврологические теории);

4. Собственно философские понятия, вовлеченные в нейроэтический дискурс — через их пересмотр осуществляется выделение проблемного поля нейроэтики (иррациональность, нормативность, моральная ответственность).

Выполнив свою функцию обозначения уже устоявшийся философской проблематики, концепты из четвертой группы могут быть преобразованы и переведены во вторую — на этот раз уже для обозначения подхода к решению ранее обозначенных проблем. Так, нормативность становится «нейро-

нормативностью» и подвергается критике через обращение к понятию «нейропластичность» [4]. Иррациональность из дискурса аналитических теорий рациональности переводится в плоскость критериев расстройства: «...хотя иррациональность и может быть признана одной из базовых черт человеческих существ, это не значит, что специфические ее формы не могут подтверждать наличие расстройства» [4, р. 72]. Такая процедура преобразования и перевода концепта позволяет усвоить уже легитимированную традицией социогуманитарных дискуссий «большую философскую» проблему, переформатировать ее в нейроэтическую проблему и затем, не опасаясь методологических упреков, использовать при ее обсуждении фактов нейронауки.

Собственно нейроэтика зачастую маркируется дисциплинарно не через методы, а именно через проблемное поле. Рассмотренные строго инструментально, ее методы идентичны методам нейронауки в частности и биомедицины вообще. При этом рассматриваемая проблематика — т. н. повестка — и выделяет нейроэтику в кругу естественнонаучных дисциплин о мозге и поведении. Именно через повестку особость нейроэтики демонстрируют и ее отцы-основатели (например Майкл Газзанига), и пишущие о ней философы. Так, статья «Нейроэтика» Стенфордской философской энциклопедии почти целиком состоит из изложения гетерогенной повестки этой дисциплинарной зоны: от проблем «нейроулучшения» к «когнитивной свободе», смерти мозга и публичному восприятию нейронауки [7].

Эти проблемы достаточно новы и не утвердились в качестве «мейнстримных» в дискурсе моральной философии. Хотя ряд мысленных экспериментов, сформулированных ранее в аналитической традиции, и релевантны для их обсуждения — например, машина опыта Р. Нозика. Но именно их технологическая новизна позволила утвердиться особой нейроэтической повестке. Рассмотренные выше нейроэтические публикации демонстрируют стремление к расширению этого проблемного поля. Сама по себе классическая философская проблема рациональности не нуждается в указании на нейронные корреляты наблюдаемого акта выбора, не нуждаются в них даже могущие еще плотнее сблизиться с естественнонаучным дискурсом о поведении теории социального действия. Однако нейроэтика как особая дисциплинарная зона науки нуждается в прогрессировании, которое и осуществляется через перевод фундаментальных проблем философии, экономики, социологии, правоведения в дискурс, опирающийся на визуализацию нейронных процессов.

Захват гуманитарной повестки

В качестве примера нейроэтической контекстуализации фундаментальных проблем наук о человеке и обществе мы рассмотрим итальянского специалиста по моральной и политической философии Элеоноры Вигано «Теория благоразумия Адама Смита, обновленная в ключе поведенческих и нейронаук» [9]. В ней изложена попытка пересмотра и дополнения взглядов шотландского экономиста и морального философа Адама Смита на добродетель благоразумия, которую он считал главным основанием мирного развития рыночного общества. Сами по себе взгляды Смита на соотношение социальных и индивидуальных моральных драйверов благоразумного поведения менялись

с течением времени. Общая их канва может быть очерчена так: приверженный благоразумию человек не будет прибегать к авантюрам или насилию ради получения желаемых благ от других людей, а постарается заключить честную сделку и осуществить честный обмен. Вигано сводит концепт благоразумия у Смита к двум компонентам: симпатии и беспристрастному наблюдателю. Первая претовращает применение насилия; возможность оказаться на позиции второго позволяет объективно взвешивать риски и преимущества определенной линии поведения. Оставляя в стороне историко-философскую правомерность такой интерпретации, обратимся к методологической составляющей процесса обновления концепции благоразумия.

Нейроэтический пересмотр концепции благоразумия осуществляется через две ступени редукции. Во-первых, как отмечено выше, добродетель благоразумия сводится к двум психическим или когнитивным механизмам, которые задействованы в благоразумном поведении. Во-вторых, эти когнитивные механизмы ставятся в неоднозначное соответствие с нейронными процессами. В итоге стратегия благоразумного принятия решений рассматривается как «возможность дистанцироваться от себя самого, что позволяет уменьшить негативные эмоции, связанные с возможными рисками и потерями» [9, р. 224]. Двумя опорными точками обновленной теории благоразумия служат, во-первых, возможность абстрагироваться от текущего положения дел и мысленно помещать себя в прогнозируемые ситуации, а во-вторых, неприятие потерь, которое выступает главным стимулом минимизации риска. В заключение статьи Вигано в свете своей «обновленного понимания благоразумия» прочерчивает концептуальные линии, связывающие педагогику, когнитивные науки и экономику. Среди компонентов этой схемы — и когнитивное умение дистанцироваться от себя, и этическая ориентация на неиспользование других людей как средств, и экономическая приверженность низкой ставке дисконтирования в отношении будущего (т. е. индивид может легко отказаться от актуальных благ ради превосходящих будущих). Связанность этих понятий Вигано подтверждает эмпирическими исследованиями в области нейронаук и поведенческой экономики. По мысли автора, новый нормативный концепт благоразумия как добродетели становится подкреплен дескриптивными результатами экспериментов и «полевых» наблюдений. Тем самым легитимируется использование естественнонаучных аргументов в нормативных дискуссиях моральной и политической философии.

Наиболее известный ответ на дисциплинарное вторжение нейронаук в сферу социальных и гуманитарных дисциплин дали экономисты Фарук Гул и Вольфганг Пезендорфер [3]. По их мнению, экономика не нуждается в точном знании о когнитивных механизмах принятия решений конкретным индивидом. Так, предпосылка об эгоистичном характере действий рыночных агентов включена в большинство экономических моделей не потому, что их авторы верят в ее соответствие действительности, а потому, что она значительно упрощает модели, существенно не влияя на их точность. Иными словами, изучение наблюдаемых (феноменальных) экономических закономерностей не нуждается в применении объясняющего подхода — детальной реконструкции когнитивных механизмов, позволяющих этим закономерностям осуществляться.

Гул и Пезендорфер отвергают прежде всего перенос лабораторных практик нейронауки в сферу прикладных технологий поведенческой экономики, т. е. в лаборатории оказывается зафиксирована некая причинная связь между стимулом и поведением, опосредованная нейронной активностью, соотносенной с принятием экономического решения. Затем эта закономерность используется при разработке маркетинговой стратегии. Однако описанная выше стратегия нейроэтического пересмотра концепции благоразумия вовсе не предполагает такого переноса из науки в технологию (практику). Зафиксированные в лаборатории эмпирические закономерности переносятся на более фундаментальный уровень научного знания, они призваны создавать нормативные предпосылки не только для экономических моделей, но и для систем морального философствования. Повестка гуманитарных исследований и разработки нормативных философских систем оказывается фундированной достижениями экспериментальной нейронауки. Цель такого рода нейроэтических пересмотров основополагающих философских концепций в том, чтобы нельзя было больше рассуждать о роли добродетели благоразумия в формировании общественной системы без опоры на закономерности нейронауки.

Легитимация технологий «улучшения» человека

Рассмотренное выше исследование не может считаться примером широко распространенного сегодня техно-научного подхода, нацеленного не на объяснение изучаемого объекта, а на разработку методов его изменения. Вместе с тем в рамках нейроэтики такие разработки не только осуществляются, но и легитимируются. В этом — одно из основных ее отличий от всего остального корпуса нейронауки. Внутри этого корпуса постоянно происходит создание технологий, нацеленных не столько на удовлетворение человеческих нужд или потребностей, но на изменение нейро- и когнитивных измерений его поведения. Вслед за философом и специалистом по биоэтике Б. Г. Юдиным мы будем называть такие технологии человекоориентированными.

Давление, оказываемое ими на человека и его жизненный мир, встречает сопротивление со стороны отдельных людей, социальных групп и широкой общественности в целом. Для его преодоления в рамках нейроэтики часто привлекаются концептуальный аппарат и теоретические достижения классической философии. В этом случае уже нейронаука фундирует изменения в смысле основных понятий философии и гуманитарных исследований, но хорошо известные философские концепции легитимируют применение человекоориентированных технологий. Так, американский философ Роберт Клевис показывает, при каких условиях с позиций кантовской этики допустимо применение технологий «улучшения» когнитивных способностей человека и его настроения [1]. Благодаря такому углу рассмотрения проблемы био- и нейротехнологий «улучшения» человека она становится менее фундаментальной. В свете философии Канта могут быть рассмотрены и более основополагающие аспекты этой проблемы: например, насколько применение этих технологий соответствует философско-антропологическим и онтологическим взглядам Канта. Или может быть поставлен вопрос о том, будет ли возможно придерживаться принципов кантовской этики в обществе, где технологии

«улучшения» будут использованы повсеместно. Но Клевис предлагает лишь наложить ряд принципиальных ограничений на применение этих технологий (касательно их безопасности, отсутствия привыкания, обеспечения всеобщего доступа к ним) для того, чтобы они не противоречили кантовской этике. Тем самым противникам нейротехнологий «улучшения» человека предлагается опровергать предложенную Клевисом интерпретацию кантовских концепций человеческого достоинства и агентности (субъектности) человека. В данном случае классические философские понятия не дополняются фактами нейронаук, но они и не просто усваиваются нейроэтикой. Они переносятся в дискурс нейроэтики вместе с легитимирующей силой имени Канта и готовой системой нейронаучных коррелятов базовых понятий его философии.

Нейроэтика как источник критической повестки в теологии

Приведенные выше работы представляют собой примеры двух линий развития нейроэтики: нейронаучных исследований этики («обновление концепции благоразумия Адами Смита») и этики нейротехнологий (приведение практик использования технологий «улучшения» в соответствие с этикой Канта). При этом две этих линии тесно взаимосвязаны и не противопоставляются друг другу. Они обеспечивают расширение и легитимацию соответственно научной и технологической повесток развития нейроэтики и нейронаук в целом.

При этом в обоих рассмотренных исследованиях их авторы, философы, скорее следуют за успехами нейронауки. Однако существует и иной способ мышления о достижениях нейронауки с позиции базовых вопросов философии и теологии. Достаточно подробный проект критического использования нейроэтики в рассмотрении основополагающих вопросов о морали предлагает американский протестантский теолог Нил Мессер в книге «Теологическая нейроэтика» [6]. Стоит отметить, что будучи деканом теологического факультета Университета Винчестера и членом Объединенной Реформатской Церкви, Мессер также обладает значительной естественнонаучной подготовкой: в Кембридже им защищена докторская диссертация по молекулярной биологии.

Мессер использует работы швейцарского кальвинистского теолога Карла Барта в качестве ориентира для применения нейроэтических исследований в сфере теологической мысли. Барт многократно обращается к материалистической религиозной философии Людвиг Фейербаха в качестве стартовой точки собственной критической рефлексии. Точно так же, по мысли Мессера, ряд нейроэтических фактов и концепций могут послужить источником «подозрения» и критики рационалистических представлений о морали. Так, в главе, названной «Будете, как боги, знающие добро и зло», Мессер рассматривает нейроэтические исследования Джошуа Грина, демонстрирующие, что принятие большинства этических решений происходит бессознательно — особенно это касается тех решений, которые продиктованы этикой долга, а не конвенционалистской ориентацией на исход действия [6. р. 39–40]. Мессер предлагает принять посылки и непосредственные результаты исследований Грина, свидетельствующие о том, что основания морали не являются продуктами индивидуального размышления или коллективного обсуждения, что они внеположны сознанию человека. При этом Мессер считает возможным от-

вергнуть основанные на натурализме выводы нейроэтических исследований об эволюционной природе морали.

В «Теологической нейроэтике» рассмотрены разные варианты взаимодействия двух дисциплинарных полей, но в качестве наиболее продуктивных выделены два. Согласно первому, случайные и локальные совпадения фактов нейронауки с теологическими воззрениями могут служить основанием для углубления последних. Согласно второму, основная повестка задана теологией, а нейронаука служит источниками критической рефлексии на темы, определенные этой повесткой.

Вместе с тем описанный междисциплинарный проект Мессера может сам служить источником критики дисциплинарных претензий нейроэтики на всю повестку моральной философии и на большинство вопросов гуманитарных дисциплин. И эта линия анализа нейронаучных оснований этики позволяет также ограничить использование нейроэтикой базовых философских концептов как ориентиров для легитимации новых нейротехнологий. Так, если нейроэтика признает кантовскую этику лишенной натуралистических оснований, то она не может быть использована в дискурсе нейроэтики и для легитимации технологий «улучшения» человека. При этом сами анализ дисциплинарных претензии нейроэтики может служить отправной точкой для уточнения методологических оснований всего корпуса наук о человеке и обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Clewis R. R. Does Kantian Ethics Condone Mood and Cognitive Enhancement? // *Neuroethics*. — Vol. 10, is. 3. — P. 349–361.

2. Frank L. E., Nagel S. K. Addiction and Moralization: the Role of the Underlying Model of Addiction // *Neuroethics*. — 2017. — Vol. 10, is. 1. — P. 129–139.

3. Gul F, Pesendorfer W. The case for mindless economics // *The Foundations of Positive and Normative Economics: A Handbook*. — Oxford. Oxford University Press, 2008. — P. 28–51.

4. Henden, E. Gjelsvik, O. What Is Wrong with the Brains of Addicts? // *Neuroethics*. — 2017. — Vol. 10, is. 1. — P. 71–78.

5. Lewis M. Addiction and the Brain: Development, Not Disease // *Neuroethics*. — 2017. — Vol. 10, is. 1. — P. 7–18.

6. Messer N. *Theological Neuroethics: Christian Ethics Meets the Science of the Human Brain*. — Bloomsbury: T&T Clark, 2017. — 215 p.

7. Roskies A. Neuroethics // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Spring 2016 Edition)/ Edward N. Zalta (ed.). — URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2016/entries/neuroethics/> (дата обращения: 20.11.2018).

8. Szalavitz M. Squaring the Circle: Addiction, Disease and Learning // *Neuroethics*. — 2017. — Vol. 10, is. 1. — P. 83–86.

9. Viganò E. Adam Smith's Theory of Prudence Updated with Neuroscientific and Behavioral Evidence // *Neuroethics*. — 2017. — Vol. 10, is. 2. — P. 215–233.

10. Wakefield J. C. Addiction and the Concept of Disorder, Part 1: Why Addiction is a Medical Disorder // *Neuroethics*. — 2017. — Vol. 10, is. 1. — P. 39–53.

11. Wakefield J. C. Addiction and the Concept of Disorder, Part 2: Is every Mental Disorder a Brain Disorder? // *Neuroethics*. — 2017. — Vol. 10, is. 1. — P. 55–67.